

Настоятели собора Св. Людовика в Москве. По материалам следственных дел и сообщениям в Ватикан епископа Пия (Неве). 1923-1936

К 1917 году в России официально служили два священника-ассумпциониста: в Макеевке — отец Эжен Неве, в Одессе — отец Огюст Манилье, выехавший из страны в начале 1920 года. В октябре 1917 года в Макеевку прибыли еще два ассумпциониста, высланные из Румынии и Болгарии: отец Жозеф Зефирен Солье и послушник Давид Майян. В апреле 1918 года вместе с большей частью французских и бельгийских рабочих отец Солье эвакуировался из страны, а Неве вместе с Майяном остался с прихожанами: поляками, немцами и русскими, — но с того времени свои проповеди он стал вести на русском языке.

В годы гражданской войны Макеевка не раз переходила из рук в руки: казаков, большевиков, немцев, украинских националистов, — и все они жесточайше грабили население, поэтому, когда появилась возможность помочь нуждающимся, то Неве по поручению Французской военной миссии при Деникине стал распределять материальную помощь по всей области: и прихожанам, и обнищавшим русским. Пережив две революции, гражданскую войну, убийства и массовые расстрелы духовенства и мирян, в основном православного, отец Эжен Неве пришел к убеждению, что сейчас необходимо лишь одно — чтобы Папа Римский возвысил свой голос и сказал *«слово утешения тем, кто столько выстрадал за веру во Христа»*¹. Именно этот шаг разрушил бы огромную стену предрассудков между католиками и православными.

Этой уверенности ничего не поколебало: ни провал Генуэзской конференции и неудача в работе Папской миссии, ни смертные приговоры² и тюремные сроки для католического духовенства после завершения судебного процесса в марте 1923 года. Неве не сомневался, что только в случае дипломатического признания Ватиканом советской России у Католической Церкви появится шанс выжить, поэтому в своих посланиях в Рим он убеждал ускорить переговоры, заметив, что *«каждый священник в этой стране — исповедник веры»*³. И первым шагом на этом пути стало обращение отца Эжена Неве⁴ к председателю Совнаркома Украины Раковскому, в нем утверждалось, что *«ни для кого не является ни позорно, ни унижительно иметь прямые отношения с отцом многих сотен миллионов христиан, с человеком, голосу которого внимает весь мир и который обладает самым высоким нравственным авторитетом во всей Вселенной»*⁵, что именно поэтому было бы полезно и необходимо для республики Советов установить дипломатические отношения с Ватиканом. Письмо, несомненно, было получено, но ответа Неве не получил⁶, хотя возможно, что тогда же чекисты и обратили на него свое внимание.

С 1918 года отец Эжен Неве со своим многолетним опытом жизни в России на долгое время стал для Ватикана важным информатором о положении католиков в большевистской стране. Его многочисленные

¹ Антуан Венгер. С. 120.

² Архиепископу Яну Цепляку, позднее замененному на 10 лет тюрьмы, и генеральному викарию Константину Будкевичу, расстрелянному 31 марта 1923 года.

³ Антуан Венгер. С. 160.

⁴ 1 июля 1923 года.

⁵ Антуан Венгер. С. 147.

⁶ Возможно, потому, что Раковский в то время стал представителем России в Лондоне.

письма в период 1922-1925 годов свидетельствовали о том, что антицерковная политика большевиков все более ужесточается, что после высылки из страны архиепископа Яна Цепляка⁷ почти двухмиллионная католическая паства осталась без духовного руководства, а отзыв Папской миссии лишил возможности вести переговоры с большевиками и защищать интересы католиков. В связи с отчаянным положением католиков отец Эжен Неве вопрошал⁸: *«Неужели невозможно установить нормальные отношения между Россией и Святым Престолом? С каждым днем я все больше и больше убеждаюсь в том, что это соглашение необходимо»*⁹.

* * *

С начала 1925 года Ватикан, используя дипломатические каналы, вновь продолжил попытки договориться с советским правительством, которое не давало разрешения на въезд в страну нового епископа, требуя от Ватикана официального признания СССР. Больше года тянулись мучительные и безрезультатные переговоры в Берлине, но надежд на заключение договора не было. Тогда в Ватикане был разработан план восстановления католической иерархии в России через тайное посвящение в сан епископа священника, официально служащего в стране. После возобновления дипломатических отношений с Францией¹⁰ и возвращения французского посольства в Москву¹¹, по договоренности с Ватиканом оно взяло храм Св. Людовика под свое покровительство, и это давало возможность осуществить тайные планы именно в этом храме.

В 1920 году, в связи с обострением отношений между Францией и советской Россией, многие французы, проживавшие в Москве, выехали на родину. После ареста и последующего освобождения через три месяца из тюрьмы настоятеля храма отца Иосифа Видаля, он был вынужден покинуть страну, а храм Св. Людовика остался без надзора. Но перед отъездом отец Иосиф вызвал к себе француженку Алису Отт, возглавившую "двадцатку" приходской общины, и поручил ей заботу о храме, вручил ключи. С тех пор воскресные и праздничные богослужения, по приглашению мадам Отт, совершали здесь священники польских храмов. Мадам Отт также в течение нескольких лет через польское посольство поддерживала нуждающихся французов продуктами и промышленными товарами, лишь с 1925 года денежную помощь им стало осуществлять французское посольство.

Непоколебимая убежденность отца Неве, что только в переговорах возможно решение всех проблем, вызвала уважение Папы Римского, поэтому выбор Ватикана пал на него в надежде, что именно такой епископ сможет восстановить и возглавить разгромленную иерархию Католической Церкви. При этом решался положительно и вопрос назначения настоятеля храма Св. Людовика, так как Неве был французским подданным. 9 марта 1926 года посол Франции был информирован о том, что Ватикан хотел бы иметь в России французского епископа при условии, что посвящение в сан священника будет проведено тайно. Исполнение миссии Ватикана было возложено на тайного епископа Мишеля д'Эрбиньи, и 21 апреля 1926 года в храме Св. Людовика священник Эжен Неве был тайно посвящен в сан

⁷ В апреле 1924 года.

⁸ Письмо от 15 октября 1924 года — для отца Жерве Кенара.

⁹ Антуан Венгер. С. 154.

¹⁰ Возобновились 28 октября 1924 года, хотя торговые отношения начались с 1920 года.

¹¹ В январе 1925 года.

епископа¹² и назначен апостольским администратором Московского деканата¹³, включающего, кроме Москвы и области¹⁴, приходы десяти областей¹⁵. Позднее в его юрисдикцию вошел и экзархат восточного обряда, кроме того он считался первенствующим среди других администраторов.

О всех событиях, происходящих в Советском Союзе, епископ Пий Неве сообщал в своих посланиях Д'Эрбиньи¹⁶, ставшему референтом Комиссии "Про Русия"¹⁷. В июне 1926 года Пий Неве вернулся в Макеевку для передачи дел будущему настоятелю прихода, отцу Давиду Майяну¹⁸, но уже в феврале 1927 года о новом священнике дал нужные показания "добровольный свидетель" чекистов¹⁹: *«Уезжая из Макеевки, Неве оставил там своего послушника, которого он рукоположил в священники в Москве, несмотря на то, что этот послушник не имел подготовки, отвечающей этому сану»*²⁰. Результатом доноса стал вызов отец Давида в апреле 1927 года в Юзовский отдел ГПУ, где он был вынужден подписать обязательство — не совершать мессы. Но после протеста посла Франции на какое-то время отца Майяна оставили в покое.

5 сентября 1926 года в храме Св. Людовика было объявлено верующим, что отец Пий Неве является настоятелем французского прихода. Его первая месса прошла 3 октября в храме Свв. Апп. Петра и Павла. В своей проповеди он возвестил: *«Своими истинными братьями мы считаем русских, связанных с нами одной католической верой. Воздавать кесарю кесарево, а Божие Богу, любить своих врагов, благословлять проклинаящих, делать добро ненавидящим, молиться за тех, кто нам вредит и преследует нас — если предположить, что такие люди найдутся, — вот единственная политика, которую мы признаем. Ибо это политика Евангелия»*²¹.

Уже 18 октября Пий Неве был вызван в ГПУ, и от него потребовали либо прекратить священнослужение, либо в течение трех дней покинуть Советский Союз, так как, согласно новому законодательству, иностранцы не могут заниматься религиозной пропагандой в СССР. Посол Франции выразил протест, сообщив об этом в Париж. МИД Франции пригрозил о принятии соответствующих мер в отношении церковных деятелей и советских граждан в своей стране, в результате 21 октября послу передали, что Неве разрешено остаться, но при условии, что он будет исполнять обязанности пастыря лишь в отношении французских граждан.

С этого времени апостольским администратором Московского деканата официально стал Карл Лупинович, настоятель храма Свв. Апп. Петра и Павла. Власти решили пока не трогать епископа Пия Неве, но в его ближайшее окружение чекистами была внедрена агентура. На основании отчетов сексотов, просмотра всей переписки, слежки за любыми его встречами, проверки верующих, приходящих к нему на

¹² Свидетели — Алиса Отт и военный атташе итальянского посольства Берджер.

¹³ Постановлением Папы Римского от 11 марта 1926 года.

¹⁴ С паствой не менее 45 тысяч католиков.

¹⁵ Владимирской, Калужской, Костромской, Нижне-Новгородской, Рыбинской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской — с паствой не менее 6500 католиков.

¹⁶ В 1930 году он стал президентом Комиссии.

¹⁷ С марта 1927 года послания читал и генеральный настоятель ордена ассумпционистов, отец Кенар, ставший также советником Комиссии.

¹⁸ Бывший послушник-ассумпционист Давид Майян был рукоположен епископом Пиетом Неве 10 ноября 1926 года в храме Св. Людовика, но только для совершения мессы.

¹⁹ Это был московский священник Михаил Цакуль, арестованный 14 февраля 1927 года и давший нужные следствию показания на допросе.

²⁰ Следственное дело М. Цакуль и др. // Центральный Архив ФСБ РФ.

²¹ Антуан Венгер. С. 201.

исповеди, на епископа Неве собирался серьезный компромат, а также выявлялись многочисленные связи католиков друг с другом, а благодаря помощи Неве — и с Римом. Вскоре один из сексотов донес, что, *«несмотря на то, что Неве формально по предложению НКВД сдал свои полномочия Лупиновичу, он продолжал и продолжает сейчас руководить управлением Московской и Смоленской епархиями»*²².

* * *

Католический священник восточного обряда, отец Потапий Емельянов познакомился с тогда еще священником Эженом Неве в начале 20-х годов, они подружились и стали переписываться, а в голодные годы через представителей Папской миссии в Ростове Неве помог прихожанам-католикам Нижней Богдановки. В январе 1927 года отец Потапий Емельянов был арестован; при обыске у него были найдены письма Неве, они и подтвердили агентурные сведения, полученные чекистами ранее о том, что *«Емельянов тесно связан с бывшим французским кюре в Макеевке, ныне епископом Неве, который занимался и занимается экономическим шпионажем и теснейшим образом связан с французским посольством в Москве»*²³. Отец Потапий подтвердил на допросе, что благодаря помощи Неве *«периодически получал материальную помощь не только деньгами, но и продуктами питания и одеждой»*.

С самого начала следствия от отца Потапия выбивался компромат на Неве. И хотя община католиков в Нижней Богдановке была зарегистрирована властями в мае 1922 года, "свидетели" подтвердили версию чекистов о том, что отец Потапий постоянно получал от Неве материальную помощь и что *«за переход в католичество Емельянов обещал и раздавал денежные ссуды, покупал одежду, обувь и хозяйственный инвентарь»*. А выдержка из письма Пия Неве, изъятого при обыске, что *«Папа доказывает свое внимание к русскому народу, свое миролюбие и желание, чтобы не было причин для недоразумений»*, подтверждала версию следствия, что Емельянов разлагал крестьян и *«по заданиям Неве различными способами старался проповедовать унию и катализировать православных»*.

Потапий Емельянов был вынужден признаться и в том, что Неве *«рассказал о своем посвящении и посвящении новых епископов, попросив сохранить это в тайне»*, что, направляя его с пакетом в Крым к епископу Александру Фризону, Неве объяснил ему, что *«менее опасно и подозрительно использовать для этой цели»* священника восточного обряда, поскольку *«за католическими священниками следят»*. После таких показаний его поездка в Крым была представлена следствием как распространение им *«секретных инструкций из Ватикана»*. После завершения следствия Потапий Емельянов 12 сентября 1927 года был приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Но набранный на Неве компромат, очевидно, не вполне устраивал чекистов, поэтому слежка за ним продолжалась: в доме, в храме, во французском посольстве.

* * *

14 февраля 1927 года в Москве был арестован настоятель храма Непорочного Зачатия Пресв. Девы Марии Михаил Цакуль, через три часа он был освобожден из-под стражи, дав в качестве "добровольного свидетеля" серьезные показания *«о шпионской деятельности Неве»*. До

²² Следственное дело М. Цакуль и др. // Центральный Архив ФСБ РФ.

²³ Далее выдержки из следственного дела П.А. Емельянова // Архив ЦГАОО Украины.

осени 1927 года Неве не был знаком с отцом Михаилом, но это не помешало тому "признаться", что он догадывался о *«разведывательной деятельности»* Неве в Макеевке. Мало этого, отец Михаил "вспоминал", что во время гражданской войны *«Неве имел весьма близкие связи с белым командованием и французскими генштабистами, состоящими при штабе Деникина»*. Далее "свидетель" назвал Франсуа Пари²⁴, как *«одного из акционеров заводов в Макеевке»*, который якобы знал Неве еще по Франции и был его *"большим другом"*. Судя по этим "воспоминаниям", в 1919 году Пари, *«был при штабе Деникина»* и через Неве получал разные сведения о заводах, а позднее оставил ему же *«соответствующие поручения и директивы и финансировал его»*. В заключение "свидетель" утверждал, что и после окончания гражданской войны *«Неве не столько занимался там духовными вопросами, сколько главным образом разведывательной работой»*, передавая сведения через французское посольство.

Отец Михаил дал также подробнейшие показания и о тайной миссии епископа Мишеля Д'Эрбиньи, показав, что тот, как представитель Ватикана, *«приехал неофициально и провел реорганизацию среди католичества в СССР, назначил ряд епископов и разделил весь СССР на администраторства, назначив администраторов»*. Для органов ГПУ не составило труда вскоре определить имена этих тайных епископов: Антония Малецкого, Болеслава Слоскана, Александра Фризона, — и к концу 1927 года изолировать их от паствы: епископ Антоний Малецкий был выслан, епископа Болеслав Слоскан отправлен в лагерь, а епископу Александру Фризону сначала был запрещен выезд из Симферополя, а затем он был арестован и заключен в тюрьму.

"Свидетель", назвав также хороших знакомых Неве в Макеевке, как основных его "информаторов" о положении дел в Макеевке, дал следствию материал для обоснования дальнейших арестов и сбора компромата на епископа. Сначала был арестован отец Давид Майян, которого "свидетель" представил *«лицом для связи Неве с оставшимися в Макеевке доверенными лицами, от которых он получал все сведения и сообщал Неве»*, но за него вступилось посольство Франции, и его оставили пока в покое. 8 марта 1928 года был арестован по подозрению в шпионаже Элиас Вуцинас, бывший служащий завода. Он получил уже французскую визу, но выехать не успел. По словам "свидетеля", когда в Макеевке был обыск в костеле и там нашли *«планы и чертежи заводов»*, оказалось, что они принадлежат именно Элиасу Вуцинасу. Так что теперь чекисты хотели получить от обвиняемого Вуцинаса убедительных подтверждений шпионской деятельности епископа Неве, но так и не добились этого.

Судебный процесс прошел в ноябре в Харькове, и имя Неве, как *«тайного агента Ватикана»*, фигурировало в приговоре суда. По этому поводу посол Франции заявил протест, и, опасаясь дипломатического скандала, органы ГПУ не стали предъявлять обвинений самому епископу. А в июне 1929 года были арестованы Станислава Панкевич, бывшая экономкой у Неве, и Сергей Клочков, помогавший ей по хозяйству. От них на допросах также добивались признаний, что Неве использовал их в качестве *«агентов контрреволюции»*, но сломить их также не удалось. Узнав об из отправке на Соловки, епископ направил докладную послу Франции, с горечью отметив в ней: *«Нас считают шпионами, мы приносим горе нашим друзьям... Все, кто имел с нами дело, брошены в*

²⁴ Инженер Франсуа Пари был другом ордена ассумпционистов и мечтал о священстве.

тюрьмы»²⁵.

* * *

12 февраля 1929 года вновь был арестован отец Михаил Цакуль. Следствие предъявило ему обвинения «в шпионаже и создании контрреволюционной организации», но чекисты дали понять ему, что их очень интересуют контакты епископа Пия Неве с русскими католиками. С согласия отца Михаила в боковом алтаре его храма католический священник восточного обряда отец Сергей Соловьев совершал богослужения для русских католиков. Он очень интересовал следствие, поэтому отец Михаил дал нужные показания о связях Соловьева с епископом Неве: «Главным осведомителем Неве я считаю Соловьева, члена восточной общины, экзарха. Соловьев в беседах со мной проявлял исключительную осведомленность о важнейших политических фактах в СССР и за границей, которые в прессе не печатались»²⁶. Отец Михаил Цакуль был освобожден 3 мая, вынужденно дав подписку о "добровольном" сотрудничестве с органами ГПУ.

20 февраля с подобным же обвинением в шпионаже был арестован настоятель храма Свв. Апп. Петра и Павла Карл Лупинович. Ему задавались те же вопросы, и он также дал нужные следствию показания против епископа Пия Неве: «Неве особенно сблизился с Соловьевым, подчинил его материально, и Соловьев весьма часто посещал Неве и информировал по всей деятельности, а от Неве получал исчерпывающие указания». Отец Карл также был освобожден под подписку о "добровольном" сотрудничестве с органами ГПУ, причем, сразу же сообщив епископу Пию Неве о своей вынужденной подписке.

Оба священника после освобождения сразу же попросили Сергея Соловьева не совершать богослужений в их храмах, убежденные, что их вызовы в ГПУ были связаны с интересом ГПУ к русским католикам. Для членов Соловьевской общины наступили тяжелые дни: польские храмы для них закрылись, а богослужение в храме Св. Людовика закончилось бы арестом отца Сергея. Единственным выходом были бы богослужения в православных храмах у знакомых священников, но отец Сергей не хотел давать повода к разговорам о его якобы возвращении в православие. Оставалось одно — тайные богослужения на квартирах духовных детей, именно они позднее дали основание чекистам представить участников Соловьевской общины как членов «тайной контрреволюционной организации».

* * *

С января по февраль 1930 года в рамках группового дела были арестованы десять немецких католических священников, среди них был и апостольский администратор Поволжья Августин Баумтрог²⁷. Сначала все они обвинялись «в сборе шпионских сведений в пользу Германии»²⁸, и после первых допросов, дав признательные показания, были отправлены в Москву для дальнейшего следствия. В середине февраля прошли аресты второй группы священников, кому-то удалось вовремя скрыться, и они были объявлены во всесоюзный розыск. Среди перешедших на нелегальное положение священников был и отец Алоизий Каппес, о нем ранее был отправлен рапорт в Москву: «Сообщаем, что нами от нашего

²⁵ Антуан Венгер. С. 352.

²⁶ Далее выдержки из следственного дела М. Цакуль и др. // Центральный Архив ФСБ РФ.

²⁷ Назначен 23 мая 1926 года.

²⁸ Далее выдержки из следственного дела А.И. Баумтрога и др. // Архив Управления ФСБ РФ по Саратовской области.

агента получены данные о том, что Каппес является информатором Ватикана по СССР». В рапорте также утверждалось, что «Каппес является организатором связей с зарубежными центрами».

Лишь в августе 1930 года отец Алоизий был арестован и стал давать развернутые показания о своей «контрреволюционной деятельности». Прежде всего, следствие интересовало его поездки за границу за сбором средств в пользу голодающих Поволжья в 1922 и 1924 годах. В материалах следственного дела они были представлены как поездки в Рим для отчета «о проделанной шпионской работе и получение директив Ватикана для дальнейшей работы», и это вынужденно подтвердил на допросе отец Алоизий: «В Риме мы составили меморандум, который подали Папе. В меморандуме было 4 раздела: церковь, школа, духовенство, народ... С одной стороны, мы подчеркнули политику репрессий по отношению к Церкви и к нашему народу со стороны советской власти, с другой стороны, указали на активную политическую позицию, которую занимало духовенство против власти и в борьбе с нею».

Далее отец Алоизий дал подробные показания о том, что Папу Римского «особенно интересовала жизнь католического духовенства», что он задал ему ряд вопросов: сколько священников арестовано, какие обвинения им предъявлялись; сколько их еще осталось на свободе; в каком материальном положении находятся церкви, размер налогов на церкви, сколько церквей закрыто; сколько неверующих в стране и каково влияние коммунистов; какие эмиграционные и антисоветские настроения у прихожан. Завершил отец Алоизий показания утверждением, что «Папа одобрил те твердые, непримиримые позиции, которое занимало католическое духовенство... он обещал свою поддержку и дал благословение».

«Созданию контрреволюционной фашистской организации католического духовенства Поволжья, имеющей своей целью свержение советской власти», посвящены многие страницы группового следственного дела, по которому были арестованы 37 человек, и среди них 20 католических священников. Ее руководителем-идеологом был назван отец Августин Баумтрог, а практиком-организатором — отец Алоизий Каппес. Оба они подтвердили, что связывались с представителями посольства Германии в Москве и что получали «для ведения контрреволюционной работы директивы, указания и деньги из-за границы от Папы Римского и от германских фашистских и религиозных организаций».

Контактов епископа Пия Неве с отцами Августином Баумтрогом и Алоизией Каппесом доказать следствию не удалось, поэтому компромата на Неве в материалах дела нет. Но заключенный, сидящий в камере вместе с отцом Августином, донес, что «у Баумтрога есть близкий знакомый, гр<аждаин> Соловьев Сергей, о чем он умалчал при допросах в ОГПУ, который является главным деятелем Католической Церкви в Москве по вербовке русских в католицизм». Доносчик утверждал, что в 1928 году Соловьев приезжал в Саратов, встречался с Баумтрогом и «тайно совершил службу в Саратовском костеле». Так что все-таки чекисты получили информацию о связи отца Августина Баумтрога с епископом Пием Неве через отца Сергия Соловьева.

* * *

15 февраля 1931 года в Москве были арестованы десять членов общины русских католиков, и среди них два священника — отцы Сергей

Соловьев и Александр Васильев. С первых же допросов Сергей Соловьев, сломленный сообщением чекистов о возможном аресте его дочерей, стал давать и подписывать серьезные обвинения против себя и других. Он показал, что его назначение вице-экзархом русских католиков²⁹ было инициировано самим епископом Пием Неве, что он *«выдвинул перед Римом мою кандидатуру и после санкции, полученной из Рима, предполагаю через французское или итальянское посольство, передал мне решение о моем назначении»*. Он также подтвердил, что получал от Неве деньги *«ежемесячно и систематически, из заграничных источников»*³⁰. Получение денег от представителя Ватикана давало возможность следствию разыграть карту шпионажа, и это подтвердил один из "свидетелей", заявив на допросе, что Соловьев имеет *«интересные знакомства среди инженеров, профессуры и православного духовенства»*, что эти знакомства он *«использует с определенной целью, то есть в целях получения ряда сведений и передачи их Неве»*.

Мало этого, сам отец Сергей подтвердил, что *«по своей собственной инициативе написал доклад в 1926 году, касающийся двух религиозных вопросов»*, который позднее *«через Неве и через французское или итальянское посольства был направлен в Ватикан»*, что свою декларацию к православному епископату, выступившему против митрополита Сергия (Страгородского), он также *«понес на санкцию к епископу Неве»*³¹. Эти показания давали следствию основание обвинять Неве в непосредственном руководстве отцом Сергием. Новые обвинения, подписанные отцом Сергием против себя, вызывают серьезные подозрения в его душевном нездоровье: *«Я не принадлежу к толстовцам и в беседах указывал моим единомышленникам, что Христос на землю принес не только мир, но и меч. Одним из исходов из создавшегося тяжелого положения Католической Церкви в СССР мне представляется интервенция, о которой я беседовал с моими единомышленниками»*. Ему вторил "свидетель", заявляя, что члены Соловьевской общины часто посещали богослужения в храме Св. Людовика и исповедовались у епископа Пия Неве, в связи с чем утверждал, что *«вся эта община восточников рассматривалась Неве, как одна из вспомогательных сил, должествующих помочь Франции в ее деятельности против СССР»*.

10 мая 1931 года следователю был передан акт медицинской комиссии о *«нервно-психическом расстройстве заключенного Соловьева»*, с выводом, что больной *«нуждается в специальном лечении»*. Возможно, болезнью можно объяснить тексты двух писем, переданных отцом Сергием следователю. В одном из них он писал: *«Обдумав свое положение в Католической Церкви в данное время, считаю возможным заявить, что в виду политической деятельности многих польских ксендзов и близости епископа Неве к представителям французской дипломатии, русские католики восточного обряда невольно попадают в положение двусмысленное и опасное, обыкновенно сами о том не подозревая»*. Завершал он письмо обязательством *«прекратить всякие связи с епископом Неве, как близко стоящим к французскому посольству»*.

Арестованный Александр Васильев, православный священник, тайно перешедший в католичество³², обвинялся следствием в распространении среди знакомых *«контрреволюционной литературы, полученной от*

²⁹ Осенью 1926 года.

³⁰ Далее выдержки из следственного дела С.М. Соловьев // Центральный Архив ФСБ РФ.

³¹ Подчеркнуто следствием.

³² В декабре 1928 года.

епископа Неве», а также в том, что, имея обширный круг знакомых из православного духовенства, «информировал Неве о церковной борьбе». Именно в его показаниях появилось имя архиепископа Варфоломея Ремова³³, когда он говорил об «отличной осведомленности» Неве в делах Православной Церкви: «Такая осведомленность могла являться только результатом наличия у Неве информаторов из среды православных священников. Предполагаю, что такими информаторами являлся настоятель Петровского монастыря». По словам отца Александра, Неве неизменно отзывался о Ремове «с большой похвалой и одобрением». По завершению следствия от отца Александра добивались «отречения от веры», гарантируя при этом замену расстрельного приговора на лагерный срок. Александр Васильев подписал нужное отречение, сопроводив его следующим: «Я задаю себе первый вопрос: в той исполинской борьбе — меньшинства богатых, сытых, праздных и огромного подавляющего большинства, имеющих лишь руки для добывания хлеба — где мне быть? Против кого я стану? Для меня вопрос так решен. Навозом, пушечным мясом, как хотят сделать меня иностранные буржуа, духовенство всех религий, я не хочу быть».

Настроение осужденных монахинь очень точно выразили строки из письма монахини Валентины Сапожниковой к новообращенной духовной дочери, Мине Кугель: «Чем дольше, тем больше крест усугубляется, и тем более нужно готовиться на все до конца. Крест, да еще такой, как страдать за Господа Бога, за веру, нечто столь великое, чего мы не достойны, и только по милосердию Своему и исключительной любви к нам Господь нам его дарует». Узнав об отправке Соловьева в ссылку в Алма-Ату, епископ Неве отметил в письме в Ватикан от 31 августа 1931 года, что отец Сергей был «единственный из трех моих клириков, к которому я привязался», продолжив далее: «Как больно видеть, что столько людей страдает из-за меня на протяжении стольких лет!»³⁴.

* * *

18 февраля и 13 апреля 1931 года по групповому делу «контрреволюционной организации католиков» были арестованы Карл Лупинович и Михаил Цакуль, а также активные прихожане Франц Францевич Сребалис и Анна Иосифовна Тышман. Священники обвинялись «в связях с отдельными сотрудниками польского посольства» и информировании их о настроениях и арестах польских католиков, а также «в воспитании детей в антисоветском духе»³⁵. Следствие интересовало их постоянные контакты с епископом Пием Неве, и оба дали необходимые следствию показания. Карл Лупинович подтвердил, что Неве «черпал широчайшую информацию через большой круг знакомых ксендзов, приезжавших в Москву из Уфы, Перми, Калуги», что связь его с Римом «осуществлялась через итальянское и французское посольства», что Неве «очень пессимистически настроен в отношении возможности существования религии в СССР». Завершал он свои показания утверждением, что роль епископа Неве «несомненна и безусловна контрреволюционна» и что он, действительно, «разведчик и агент Ватикана и, возможно, французского посольства».

Ему вторил Михаил Цакуль, показав, что Неве продолжает руководить Московской и Смоленской епархиями, кроме того, «имеет свое влияние на руководство в Ленинграде, на Кавказе и в Татарской

³³ Он посвятил отец Александра в сан священника.

³⁴ Антуан Венгер. С. 301.

³⁵ Далее выдержки из следственного дела М. Цакуль и др. // Центральный Архив ФСБ РФ.

республике» и получает оттуда «обширную информацию о состоянии костелов на приходах, активности верующих, о репрессиях советской власти по отношению к духовенству», что Неве имеет сведения «об огромном недовольстве и брожении среди рабочих и крестьян в особенности», итогом которых могут стать «восстания и другие формы протеста в виде стачек, забастовок», что в виду массовых неудач с выполнением пятилетнего плана властью иницируются «процессы так называемых вредителей, дабы этим оправдать неудачи перед рабочими и крестьянством». Завершал он свои "признания" утверждением, явно написанным под диктовку следствия: «Неве постоянно подчеркивал неизбежность интервенции, говоря, что другие государства не могут смотреть на все то, что происходит в СССР. Говорил, что возглавит интервенцию Франция, которая объединит под своим руководством остальные государства и сумеет найти способы вовлечь в этот блок Германию».

В материалах группового дела для чекистов очень важны были показания Цакуля об «особом конспиративном методе иезуитских действий в вопросе распространения католицизма среди православных», на который якобы дал свое согласие Ватикан: «Православным попам, принимающим католицизм, разрешается скрывать это и под видом православных попов продолжать действовать, как раньше». Якобы, тайный переход в католичество православных священников и мирян давал возможность избежать ареста. По версии следствия, "конспиративный метод" был «непосредственно связан с подготовкой интервенции», что и подтвердили обвиняемые на допросах. По завершению следствия оба священника были высланы из Москвы. А в последующих групповых делах следствием на допросах пришлось уделять много времени для выявления имен тех, кто тайно перешел в католичество.

* * *

В июле 1933 году в Москве были арестованы первые обвиняемые по групповому делу «контрреволюционной террористической монархической организации католиков». Под жестким давлением следствия от обвиняемых были получены показания о целях, которые ставили перед собой члены "организации", — «свержение в СССР советской власти и установление монархического строя», а также о том, что «контрреволюционная организация руководилась и финансировалась Русской Комиссией "Конгрегации Восточной Церкви", осуществляющей свое руководство при посредстве католического епископа Евгения Неве, французского подданного»³⁶. Осенью в Москве, Малоярославце, Костроме, Краснодаре прошли аресты русских католиков, среди них были и недавно освобожденные монахини Абрикосовской общины вместе с их игуменьей, Анной Ивановной Абрикосовой. Некоторые обвиняемые подтвердили, что «организация получала систематическую финансовую помощь от епископа Евгения Неве», что он «хорошо информирован о всех деталях жизни и деятельности членов организации, руководимой Абрикосовой».

Одна из обвиняемых, активно сотрудничавшая со следствием, показала, что в 1933 году епископ Неве сказал ей: «Россия — несчастная страна. Но на ее примере Бог хочет дать урок всему миру, что значит забыть религию». Она подтвердила версию следствия, что в беседах с монахинями Неве «систематически подтверждал в них уверенность в

³⁶ Выдержки из следственного дела А.И. Абрикосова и др. // Центральный Архив ФСБ РФ.

неизбежности в скором времени интервенции и свержения советской власти», что «регулярная связь между Папой Пием XI, "Русской комиссией" и Абрикосовой А. И.» осуществлялась через епископа Пия Неве с помощью «дипкурьеров французского посольства». Завершались показания ее утверждением: «Неве являлся идеологическим и идейным вдохновителем нашей контрреволюционной деятельности». В "Обвинительном заключении" по групповому делу отдельным пунктом шел раздел — «Связь с Ватиканом и роль епископа Неве», который завершался утверждением, что Анна Ивановна Абрикосова получила через Неве ответ от Папы Римского, в нем он «благословил ее "на борьбу за русское дело"».

Позднее в материалах последующих групповых процессов католического духовенства в разных регионах страны связь с епископом Пием Неве подтверждали многие обвиняемые. Например, арестованные по групповому делу «*контрреволюционной организации церковников*»³⁷ священники Болеслав Блехман и Иосиф Воронич³⁸ подтвердили свои неоднократные контакты и получение денег от епископа Пия Неве. А сексоты, выступавшие в качестве "свидетелей", показали, что на протяжении ряда лет оба священника систематически информировали епископа Неве, как представителя Ватикана, «*о политико-экономическом состоянии известных ему населенных пунктов, за что получали вознаграждение*», постоянно отчитываясь перед ним «*в своей контрреволюционной деятельности*».

* * *

14 мая 1934 года епископ Пий Неве выехал на отдых во Францию. Заменивший его в храме Св. Людовика священник Леопольд Браун прибыл в Москву 1 марта 1934 года как духовник американского посольства. Уезжая в отпуск, епископ Неве сообщил отцу Леопольду о лицах, которым выдавалась материальная помощь, а также познакомил его с прихожанином, «*заслуживающим доверие, убежденным католиком*». Это был преподаватель института³⁹, который сыграет главную роль в судьбе как настоятелей храма Св. Людовика и многих прихожан, но особенно, в трагической судьбе заведующей храма Св. Людовика Алисы Отт и ее дочери. Он появился в храме в начале 1930-х годов, в беседах с епископом Пием Неве показал серьезные познания в христианском вероучении, чем снискал его уважение. В дальнейшем "господин профессор", как шутливо называл его Неве, стал активно посещать богослужения в храме, а в апреле 1933 года под руководством епископа тайно перешел в католичество.

На самом деле "господин профессор", будучи арестованным в 1929 году по групповому делу православного духовенства, активно сотрудничал со следствием, дал подробнейшие показания против профессора А.Ф. Лосева, квартиру которого посещал, и вскоре был освобожден, дав подписку о добровольном сотрудничестве с органами ГПУ. Сначала он в качестве свидетеля "отметился" серьезными показаниями в последующих групповых делах православного духовенства, а потом в начале 1932 года, по заданию ГПУ, стал посещать храм Св. Людовика. Позднее, во время реабилитации, он заявил: «*По заданию органов НКВД я принял католичество, и это способствовало еще большему нашему сближению... О том, что мне приходилось слышать от Неве, я*

³⁷ Далее выдержки из следственного дела Б.К. Блехман и др. // Архив ЦГАОО Украины.

³⁸ Арестованы 29 августа 1933 года.

³⁹ Московский институт технологии пищевой промышленности.

своевременно, в письменной форме, информировал органы НКВД»⁴⁰.

К показаниям этого сексота надо относиться с большой осторожностью, многие показания были нафантазированы им, за что позднее он был отправлен в лагерь. Например, разве можно серьезно воспринимать его показания о «*максимальной осторожности*», которую проявлял епископ Пий Неве, посещая якобы квартиру сексота: «*Он тщательно простукивал стены комнат, желая определить — не установлен ли там микрофон. Кроме того, он настойчиво просил меня тщательно закрывать телефон с тем, чтобы наши беседы были сузубо конспиративны*». Не проще ли было Неве встречаться с "господином профессором" в храме, как и с другими прихожанами.

Именно этот сексот сообщил чекистам о том, что заведующая храмом Св. Людовика Алиса Отт вела постоянную переписку с отцом Иосифом Видалем и епископом Мишелем Д'Эрбиньи, уверял, что она использует в этих целях «*дипломатическую почту и регулярно, каждые 15 дней направляет Видалю, являвшемуся заведующим русскими делами в Ватикане, большое количество корреспонденции*». Он же сообщил также и о тайном переходе в католичество православного архиепископа Варфоломея Ремова, о существовании при православной церкви Рождества Богородицы в Путинках тайного православного монастыря, тайных пострижениях православных и католиков и появлении католической общины восточного обряда.

Агентурные сообщения сексота стали основанием рапорта руководству: «*Поступили сведения о том, что в Москве существует русско-католическая контрреволюционная организация церковников, созданная по директивам русской комиссии при Ватикане негласным представителем последнего в Москве, католическим епископом — Евгением Неве*». Очевидно, работа сексота была настолько эффективной, что к началу операции по ликвидации монастыря чекистам были известны имена всех тайных монахинь, монахов и активных членов приходской общины.

* * *

В январе-феврале 1935 года по групповому следственному делу «*контрреволюционной организации православного и католического духовенства и мирян*»⁴¹ были арестованы 22 человека, среди них и архиепископ Варфоломей Ремов, причем, при обыске у него было изъято много писем, в которых адресаты просили о помощи. Епископ Пий Неве познакомился с архиепископом Варфоломеем на квартире мирянина-католика в 1928 году. Их тайные встречи проходили сначала на квартире епископа, к началу 1930-х годов их отношения стали дружескими, а встречи регулярными, хотя они, опасаясь возможной слежки за квартирой Неве, стали встречаться в других местах. В 1932 году, как показал на допросе архиепископ Варфоломей, «*я, по предложению Неве, перешел в тайное католичество*», хотя официально, с согласия Папы Римского, он оставался в лоне Русской Православной Церкви; главной причиной его перехода в католичество было нежелание иметь своим духовным руководителем митрополита Сергия (Страгородского), возглавлявшего Русскую Православную Церковь. В 1933 году, по рекомендации Неве, он был официально утвержден Ватиканом викарным епископом Пия Неве для католиков восточного обряда.

С этим назначением владыка Варфоломей, благодаря Неве, получил

⁴⁰ Далее выдержки из следственного дела А. Б. Отт // Центральный Архив ФСБ РФ.

⁴¹ Далее выдержки из следственного дела Н.Ф. Ремов // Центральный Архив ФСБ РФ.

возможность материально помогать арестованным и высланным православным иерархам, через него сообщать на Запад о продолжающихся гонениях духовенства и верующих, а главное — обрел в его лице духовного пастыря. Знакомство с епископом Нева стало и основным доказательством обвинения владыки Варфоломея в *«измене Родине и шпионской деятельности в пользу Ватикана»*. Под давлением следствия он подтвердил, что передавал для Ватикана сведения *«о состоянии русской Церкви, о религиозном настроении русского народа, о закрытии церквей, об арестах церковников, а также информацию по текущим вопросам»*. Подтвердил он и неоднократную передачу епископу Пию Нева писем ссыльных иерархов, *«в провокационно-клеветническом духе рисующем положение ссылки»*, которые пересылались затем в Ватикан, *«как доказательство гонений, воздвигаемых советской властью на религиозников»*. Заметим, что на вопрос следствия — что могло связывать православного архиепископа с католическим епископом — он ответил: *«Общность духовных интересов»*.

"Господин профессор", активно выступавший на следствии в качестве свидетеля, показал: *«Мне точно было известно, что архиепископ Варфоломей завербован епископом Нева в качестве шпиона, в чем мне сознался лично сам архиепископ Варфоломей»*. Далее он сообщил, что об аресте Ремова епископ Нева *«сообщил иностранным журналистам с целью дать материал для антисоветской печати»*, что он же *«широко информировал Запад и Ватикан о положении религии в Советском Союзе»*. Но для чекистов главным обвинением стало подтверждение Варфоломеем Ремовым факта передачи сведений о работе известных православных архиереев в качестве сексотов ГПУ, о чем он заранее предупредил Нева в случае общения с ними. Сообщил он также Нева и о том, что *«вся деятельность митрополита Сергия протекает в соответствии с органами государственной власти, и без ОГПУ он не делает ни одного шага»*.

Архиепископ Варфоломей не отрицал, что с 1933 года, был *«действительно не по форме, а по существу активным помощником Нева, являясь негласным представителем Ватикана»*, и что исполняя поручения Нева, вместе с ним *«активно боролся против советской власти»*. Именно это признание и стало основанием для расстрельного приговора Варфоломею Ремову⁴². Узнав о расстреле архиепископа Варфоломея, Нева в секретной депеше в Ватикан утверждал: *«Без всяких сомнений, причиной ареста преосвященного Варфоломея была ненависть к христианской вере и то, что он до конца остался верен в исповедании католической религии и послушании Святому Отцу, которого он искренне любил и выполнять указания которого был готов любой ценой»*⁴³.

* * *

В ноябре 1935 года в Воронеже начался судебный процесс над католическими священниками и тремя сестрами-монахинями из Абрикосовской общины⁴⁴. Пройдя тюрьмы, этапы и ссылки, они в 1932 году поселились в Тамбове и восстановили жизнь монашеской общины. Познакомившись с епископом Пием Нева, они постоянно приезжали в Москву для посещения богослужений в храме Св. Людовика. Нева не раз поддерживал их деньгами, не давая умереть с голоду. 1 февраля 1935

⁴² 17 июня 1935 года Варфоломей Ремов был приговорен к высшей мере наказания.

⁴³ Антуан Венгер. С. 313.

⁴⁴ Стефания Городец, Роза Сердца Марии Енткевич и Антонина Кузнецова.

года монахини были арестованы, обвинены «в шпионской деятельности» и привлечены к следствию по групповому делу католического духовенства. Во время следствия сестрам постоянно задавались вопросы, касающиеся епископа Пия Неве, и они подтвердили, что тот оказывал им материальную помощь, и это является совершенно нормальным явлением в отношениях между католическим епископом, его священниками и мирянами.

Неве проявлял пристальный интерес к ходу судебного процесса в Воронеже, о чем позднее дала показания монахиня Маргарита Крылевская из общины доминиканок. Она рассказала, что после завершения судебного процесса сестра Роза Сердца Марии Енткевич, посетившая епископа Пия Неве в Москве, по возвращении в Тамбов передала старшей сестре Стефании Городец поручение Неве — «*подробно описать весь ход процесса и материал передать ему*»⁴⁵, после чего сестры «*в письменном виде подробно изложили все*». Этот отчет был передан Неве как письмо сестры Стефании, позднее был им переведен и отправлен в Ватикан.

От сестер-монахинь следствию не удалось добиться признания своей вины, на суде они решительно отвергли все обвинения, были оправданы и освобождены из-под стражи в зале заседаний. Но священники, признавшие на суде свою вину, были приговорены к лагерным срокам. Сообщая в Ватикан о предъявленных священникам обвинениях в шпионаже, епископ Пий Неве с горечью отмечал: «*Весь процесс закручивается вокруг меня. Я один на свободе... пока что. Мое французское гражданство не позволяет нанести по мне прямой удар; и они хотят нанести удар косвенный, еще более жестокий — бьют по невинным исповедникам веры*»⁴⁶.

1936 год был последним для Неве в России, он все чаще уставал, но продолжал информировать Ватикан о всех событиях в стране. 30 января он писал о возвращении верующим костела в Саратове, сообщал, что в Киеве не осталось ни одного священника, так что верующие на Рождество просто собрались в церкви и пели под орган. Он постоянно утверждал, что «*гонение, причем, еще более изощренное и лицемерное, продолжается*»⁴⁷. 31 июля 1936 года епископ Пий Неве выехал на лечение, надеясь на возвращение к своей пастве, но въездной визы он больше не получил. К тому времени в НКВД была составлена «*Справка на Неве Евгения Евгеньевича, 1887 года рождения, Франция, бывшего епископа католического костела в Москве*»⁴⁸, в которой высылка из страны неугодного епископа «*за организацию нелегальных католических групп и использование их в шпионских целях*» была названа уже свершившимся фактом и обосновывалась тем, что Неве, «*проживая длительное время на территории СССР под видом миссионера и религиозного деятеля, занимался разведывательной деятельностью против Советского Союза и сбором клеветнической информации о советской действительности*».

Ватикан наградил епископа Неве за его подвижническую деятельность в России, отметив, что «*информация Святейшего Престола зависела исключительно от докладов Неве и его корреспонденции из Москвы*»⁴⁹.

⁴⁵ Далее выдержки из следств. дела А.И. Абрикосовой // Центральный архив ФСБ РФ.

⁴⁶ Антуан Венгер. С. 458.

⁴⁷ Антуан Венгер. С. 468.

⁴⁸ Далее выдержки из следственного дела А.Б. Отт и др. // Центральный архив ФСБ РФ.

⁴⁹ Антуан Венгер. С. 431.

